

Цзи Нуань сузила на него глаза. "Ты ведь знаешь, что мне всего двадцать пять лет. В наше время большинство женщин выходят замуж и рожают детей только к тридцати годам. Мне следует подождать еще восемь-десять лет".

Мо Цзиншэнь тихонько захихикал. "Ничего страшного, если мы подождем; я не против стать старым отцом. Но каким бы сильным ни было тело бабушки, он не сможет ждать так долго. Мы должны дать ему возможность посмотреть, как растет ребенок, да?"

Говоря о старейшине Мо, он столько лет мечтал о правнуке, но сейчас даже его невестка и внук были слишком заняты, чтобы навестить его в доме Мо.

К счастью, как старец, он всегда отличался легкомыслием. В противном случае он бы уже поднял трость и выломал дверь в сад Юй.

Более того, дело не в том, что она не хотела ребенка.

Просто она никогда не думала, что у нее будет еще один ребенок.

"Если ты не хочешь, мы можем подождать несколько лет. Торопиться некуда". Мужчина ободряюще положил руку ей на голову.

Или, возможно, если она действительно не хочет ребенка, он все равно примет его; таковы были невысказанные слова.

Сердце Цзи Нуань было тронуту как его словами, так и внезапно возникшим в ее сознании образом Мо Цзиншэня, держащего на руках и кормящего их ребенка.

Когда Ся Тянь только родила, полицейский ее семьи был классическим примером мужественного, но мягкого мужчины. За пределами дома он был старшим военным офицером с абсолютным авторитетом, а дома одного взгляда на то, как он меняет подгузник ребенку, было достаточно, чтобы нанести критический удар по глазам. Он также держал ребенка на руках и кормил его молоком из бутылочки...

Если заменить это лицо на лицо Мо Цзиншэня...

Она внезапно наклонилась к лицу Мо Цзиншэня; трудно было представить, как великий босс Мо будет выглядеть, держа на руках ребенка.

Он и так был так заботлив по отношению к ней; если бы у них был ребенок, разве он не превратился бы полностью в отца-домоседа?

И вот, когда у нее случился выкидыш, как могло случиться, что его сердце не болело?

Просто он слишком хорошо умел скрывать свои эмоции. Он не показывал их, и поэтому никто не видел боли, которую он намеренно скрывал.

Поскольку Цзи Нуань была слишком серьезной, а она только что пришла в себя, и он не хотел мешать ее выздоровлению, мужчина сделал несколько глубоких вдохов и поцеловал ее в шею. Затем он резко отпустил ее.

Цзи Нуань подняла голову и посмотрела на удаляющегося от нее мужчину. "Вообще-то, это не невозможно..."

В глазах Мо Цзиншэня отразилось ее отражение, он усмехнулся ее словам и помог ей подняться с дивана. Он заставил ее сесть и прислониться к его боку.

Цзи Нуань собиралась привести в порядок свою одежду, когда мужчина поднял ее на руки: "Нуань Нуань".

"Эн?" Голос мужчины был слишком мягким, и Цзи Нуань не могла не повернуться, чтобы посмотреть на его красивый цвет лица.

Мужчина говорил медленно: "В тот год в Лос-Анджелесе Су Сюэи вытолкнул тебя из машины на шоссе, и от сильного падения у тебя случился выкидыш. По словам Фэн Линг, тогда вам пришлось пройти через экстренное лечение. Это было очень болезненно?"

Выражение лица Цзи Нуань было спокойным. Она положила голову ему на плечи, и при свете фонарей ее ресницы отбрасывали веерообразную тень на кожу: "Неважно, сколько боли я пережила, она не сравнится с той, которую испытывал ты, когда использовал собственное тело, чтобы заблокировать приближающийся грузовик. Я всегда считала, что ты смог сохранить свою жизнь, несмотря на серьезные травмы, потому что наш малыш ушел первым и молился на небесах, чтобы его папа подольше сопровождал маму, чтобы нам не пришлось расставаться так рано."

"А может..." Цзи Нуань подняла руку и небрежно поиграла с его пуговицами, как несколько дней назад. Казалось, несмотря на то, что она пришла в себя, она привыкла полагаться на него в его объятиях.

Она тихо произнесла: "Возможно, он знал, что направление моей жизни должно быть изменено и что ему еще не подошло время родиться. И поэтому он послушно вернулся, чтобы дождаться другого времени для встречи с нами".

"Должно быть, это было чрезвычайно болезненно. Я слышал, что в приемном покое у вас было сильное кровотечение, а из-за вашей беременности они не могли применить к вам анестезию. Ты снова и снова теряла сознание от боли".

Для Цзи Нуань это было гораздо больше, чем просто физическая боль. Испытывая сильную боль, она прекрасно понимала, что ее ребенок не может быть сохранен. В то же время она переживала за Мо Цзиншэня, который также проходил экстренное лечение. Казалось, что жизнь нашла все худшие формы пыток и обрушила их на нее; как будто все худшие боли, которые она испытала в прошлой жизни, вернулись к ней в одно и то же время.

И сразу после этого он лично оттолкнул ее.

Это должно было быть очень больно.

Поэтому, даже узнав правду, она все еще не могла заставить себя опустить голову.

И все же, какой бы упрямой она ни была, и каким бы сильным ни был ее характер, в конце концов, это не могло изменить того факта, что она все еще любит его; что она не может его отпустить.

"Я так думаю. Был период, когда мой живот казался необычайно плоским каждый раз, когда я к нему прикасалась. Я никак не могла к этому привыкнуть. Но в то время твои родители особенно беспокоились о тебе. Я не хотела оказывать на них лишнее давление, поэтому ничего не говорила. В моменты, когда на сердце было особенно тяжело, я посылала тебе сообщения. Я

посылала тебе по одному каждый день..."

"Я прочитала все эти сообщения".

"Эн, ты уже говорила мне об этом раньше. Я знаю."

"Все до единого."

"Я знаю".

Видя, что она, похоже, простила его и не хочет придирается к мелочам, Мо Цзиншэнь обнял ее за холодные щеки и наклонился: "Нуань Нуань, прости меня". "

Цзи Нуань изначально играла с его пуговицами.

Услышав его слова, она подсознательно крепче обхватила ткань его рубашки. Затем она улыбнулась. "Чтобы выразить свою искренность, ты должен будешь сопровождать меня, чтобы отдохнуть некоторое время. Прямо сейчас, MN Group находится под присмотром Ся Тянь. Если я вдруг вернусь сейчас, и она узнает, что со мной все в порядке, она обязательно попытается вернуть компанию в мои руки. У меня редко бывает возможность отдохнуть душой и телом. Я пока не хочу возвращаться".

Мо Цзиншэнь не ожидал, что последнее состояние маленькой женщины будет таким. Его изящные, глубокие брови слегка сдвинулись: "Так просто?"

"Ты великий Мо Цзиншэнь, который ни в чем не нуждается. Я тоже ни в чем не нуждаюсь. Прошло столько лет. Чего нам действительно не хватало, так это возможности отложить работу и наслаждаться друг другом. Кроме того, после свадьбы у нас так и не было медового месяца. Это лишь компенсация за это", - Цзи Нуань говорила так, словно все это было ожидаемо.

Мужчина приподнял один уголок губ. "Хорошо. Мы сделаем так, как ты говоришь".

"Тогда давайте играть еще два месяца?" Цзи Нуань планировала время, пока говорила: "Давайте поиграем в Аргентине еще несколько дней. После этого, когда мы будем проезжать мимо Америки, я хочу отправиться в Нью-Йорк, чтобы посмотреть показ мод. Также я хочу посетить школу, в которой я училась, в Лос-Анджелесе. Я также должен привезти тебя в Лондон, чтобы показать тебе места, которые я посещал, когда был в Англии. Кроме того, мы должны побывать в Ирландии, Греции, Египте... Вообще, кажется, что двух месяцев совершенно недостаточно?".

"Если двух месяцев недостаточно, мы сделаем три месяца. Если трех месяцев будет недостаточно, мы сделаем год. Я буду рядом с тобой все это время, хорошо?".

"Это действительно нормально, что Великий Босс Группы Шайн сопровождает меня, когда я путешествую по миру таким образом?"

"Конечно. Моя жена - самая важная. Все остальное второстепенно".